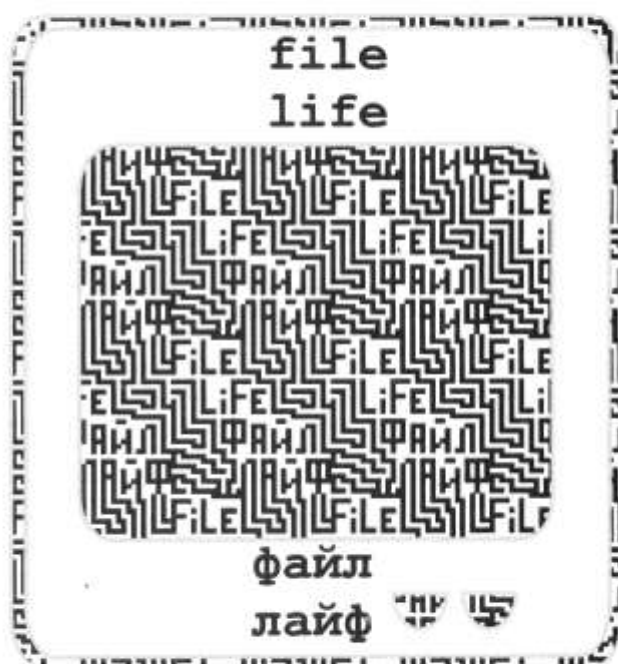

ГАЗЕТА

ЭЗИЯ

МЕТАГАЗЕТА
ПОЭТОВ
И
ДЛЯ ПОЭТОВ

N9
1998

အိန္ဒိယနိုင်ငံ

Файл "Жизнь"

FILE

Кризис. Запасайтесь иероглифами. Скоро не будет смысла. Жизнь себя истощила. **Лайф** - лав - файл. Клинтон в компьютере продолжает свою лав, как лев с ЛЕВински. Но лава давно засохла и годится только для генетической экспертизы. Love story конца Клинтона и второго тысячелетия. Моника - муза, Клинтон - поэт. Нельзя останавливаться на полпути. В любви и в поэзии компромиссы недопустимы. Если бы любовь была полной, на платье Моника на осталось бы никаких следов. Поэты, не следите на платье музы. Берите ее всю целиком. Как говорил Пастернак, спи, подруга, ЛАВиной вернулся. Или как говорил Асеев: "Ай дайбль-дабль-ю, блеск домен, стопп, лью!" Перевожу на нынешний поэтический: **лайф в файл флай**. А они пусть остаются со своей наци-анальной идеей.

LIFE

Кара Карениной

Смерть впереди бегущего паровоза
Кара Каренина
Кара Карамазова

Сквозь летящий топор
твою мать

Пар паровоза
партитура рояля
для топора с оркестром

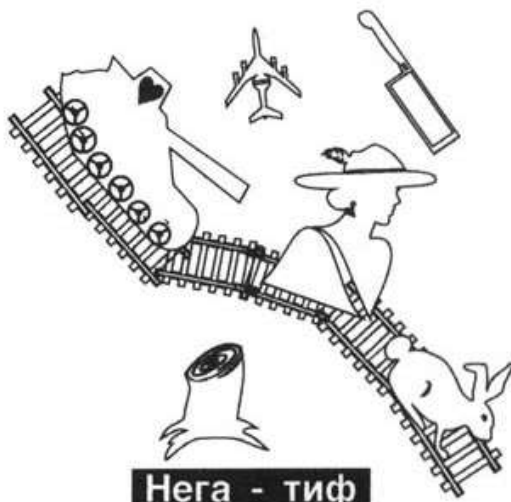
Хрясь - клавиша шпала
Хрясь позвоночник в районе шеи

Цивилизация! Ты уже на исходе
как выдох
последнего паровоза
издыхающего на клавишах
под пальцами
Шостаковича

Концерт двух рельсов
под смычком паровоза
Пара - визг
Пара - лязг

Вронский едет
по горлу Анны
как смычок
по струнам
В штабном вагоне
кружится топорное колесо
отделяя голос
от горла

АН-Н-Н-Н-Н-Н-НА

Нега - тиф

Негатив
мерцающий позитивом
Я даже не акробат а абракадабр
бардак барака
мегабайт мига
в битве Батерфляй с кимоно

Индия все еще
заслонена слонами
Стихи никому не нужны
кроме зайцев
скачущих друг в друга
кроме мамонтов
вымирающих в самолетах

По традиции тогдашнего американизма думаю, что ЛЕФ был эхом от слова ЛАЙФ. Лафа футуристам, провозглашает их вожак. Кайф от поэзии круче, чем от амфетина. Формула поэта: строчка - фитиль, рифма - бочка с динамитом - кажется сейчас многословной и архаичной. Файловое сознание предпочитает сжатость.

СтрокастроКАСТРОкастрока. Но мне кажется, что озарение поэзии возникает из обыкновенности, из быта, как чудо возникает среди обыкновенных ослов, домишек Вифлайф-файлема. Поэтому я помещаю свои кругометы среди обыкновенных строф и понятий.

Не Исус а Саваоф
в совокупности с черными
сенокосами:
"о совокосовокосовокососок
о совок Косово"

А вот теперь главка из моей новой поэмы

Жуткий crazis Superstar

Бог заикается, когда произносит
слово Большой театр - больбольбольболь...
В городе исчезла ь
Черное нце несли на носилках.
Вы читали "В круге первом" женицына?
Маршировали даты
пели: " овей, овей, пташечка"
в по ьствах толпились за визами
яной бунт был назначен на Вторник
омон Волков царил в Нью-Йорке
исты филармонии разучивали мелодию
"Жуткий crazis Superstar"

Да здравствует
мировая идарность истов филармонии
(продолжение к жа ению следует)

Генрих
Сапгир

Рождение птенца

ПОЭЗИЯ
Ловлю воображаемую муху

поймал в кулак
подношу к уху
как тонко звенит -
не слышно даже

Пауль ван Остайн

1896-1928

(Нидерланды)

Дон де Казак

Дон де Казак

Рогожин - смеяться

Рогожин из ножен нож

Волга ~~~~~ Волга

Кровь Филипповны вряд ли хлынуть

Ее сердце - уставший от пищи младенец

Смердяков - хохотать хохотать хохотать

Смердяков убивает смерть

Вдали через пшеницу - Украина

через пшеничноморе - Украина

через желто-страстное летоукраины

танцует Дон де Казак

Дон де Казак

танцует казачок -

го-гольгномы - го-гольгномы -

верующий в себя

Волга ~~~~~ Волга

Шаги прошивают степь

гогольгномы не льют потоки малого

театра-света

через Ивана

Карамазова

Рогожин - смеяться - бритвой

убивает Филипповну

Дон де Казак

гогольгномным шагом прошиваемая степь

Топазоурал - Уралотопаз

падение персидской княжны за борт -

в вязь вязания волжских волн

русского кабаре

Бадмаев - Бадмаев

Волга ~~~~~ Волга

Степь - степь

пшеничномореукраина

Нет!

Нет города над Петербургом

где лежит рогожинский нож

всегда нагота наготове

на, готовь

Отченаш ночешаг в последнюю Родину

Там едят на серебряных блюдах гогольгномы

кашерис - рисокаш

Волга → степь → нож

Русский Джаз на русскую тему по-русски

Синтаксис

Если будешь себя так плохо вести, умрешь как Лермонтов, его тоже бабушка воспитывала. Или еще хуже - как Пушкин. Царь Николай долги за него отдал, а его убили, понимаешь?

- а если я буду себя хорошо вести?

Там у Пушкина дети остались. Морошки в доме не было. Он ее любил свою жену, женился по любви, понимаешь?

- понимаю. А если я себя буду хорошо вести?

Умрешь как Лев Толстой на станции. Он из дому ушел уже старик в 80 лет, понимаешь?

- понимаю

Он всех любил. И жену, и детей. Все человечество.

Уж небо осенью дышало

Уж реже солнышко блистало

Короче становился день.

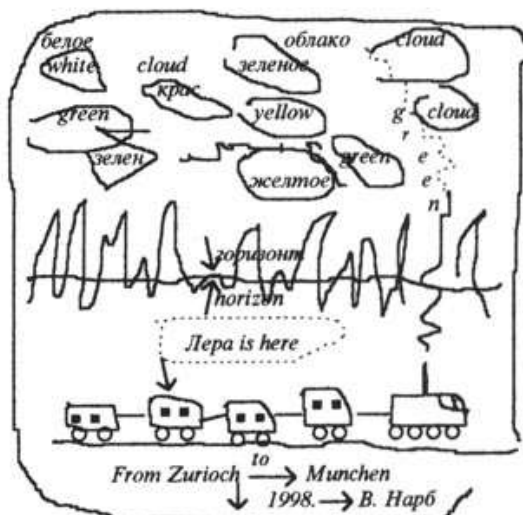
- понимаешь?

- не понимаю.

А вот как: есть точки и запятые, восклицательный знак - синтаксис.

Короче! Становился день!

В этом есть что-то блатное.

Штуммзрат

Григорий Пасько

(Владивосток)

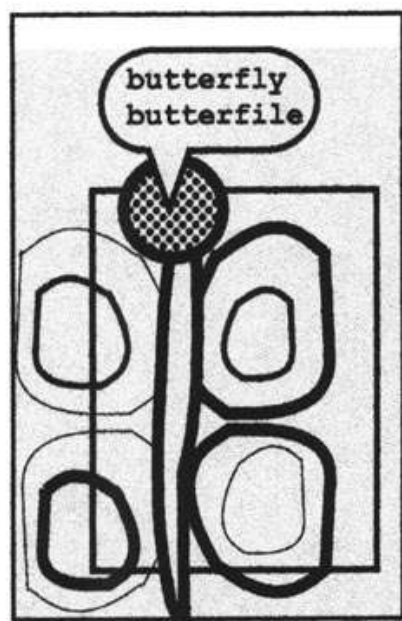
***(1937-й)

запахли зоны смертью и цифиром.
Следак на зека зырил - в никуда.
Кровавый год запекшейся цифирью
Показывал бумажный календарь.

Прошли года - сплошное лихолетье.
Слепой Фемиды вральные весы.
А годом тем же, хоть спустя столетье,
мигают электронные часы.

Шагает homo сквозь Вселенной ночи...
Не спит следак, пуская дым в усы.
И прежний год уныло кровотоцит
Песчинками судеб в песочные часы.

Автор передал нам стихи, написанные в тюрьме, где он пребывает под следствием по ложному обвинению в шпионаже.

МОЛОЧНИКОВ МИХАИЛ 20.09.98

Людмила Губарева Китаист

Цзюй Юань (Цюй Пин) - IV веке до н.э. - имя первого известного нам по имени китайского поэта, первая яркая поэтическая индивидуальность в истории Китая. Автор прославленных поэм под общим названием "Лисао" ("В скорби" или "В тоске"), жил в княжестве Чу.

Заведовал генеалогическими документами при дворе князя. Любимый собеседник правителя, он, однако, был оклеветан, объявлен предателем и выслан из столицы. Бродя по пустынным берегам рек и озер, изливал душу в стихах. С негодованием писал о врагах и скорбел о несправедливости мира. В антологии классической прозы сохранились "напевные строфы" о том, как Цюй Юань беседует с рыбаком у реки Цанлан (по другой версии - реки Сян).

Поэт

Весь мир,
все люди
грязные,
лишь один я
чистый.
везде все люди
пьяные,
а трезвый
один лишь я...
Вот почему
я и подвергся
изгнанию.

Рыбак

Мудрец не терпит стеснения от вещей.
Нет, он умело идет вместе с миром
вперед или, следуя за миром,
изменяет свой путь.
И если все люди в мире грязны,
почему же не забраться
в ту самую грязь
и не подняться на той же волне?
А если все люди пьяны, почему б
не дожрать барду и не выпить
со дна осадок? К чему предаваться
глубоким раздумьям,
высоко вздыматься над людьми?
Ты сам накликал на себя свое изгнание.

Поэт

Я вот что слышал:
Тот, кто умылся,
неприменно выбьет пыль
из своей шапки,
кто только что искупался,
неприменно пыль стряхнет с одежды.
Как же можно своим чистым телом
соприкасаться с грязью вещей?
Лучше уж тогда пойти мне к реке Сян,
к ее струям, чтобы похоронить себя
во чреве рыб речных.
Да и можно ли тому, кто сам
белейше бел, принять прах -
мерзость окружающих людей?

По другой версии, дело было не у реки, а у озера Дунтинху, большого и глубокого, в водах которого поэт и утопился, оставив богатое поэтическое наследие, полное скорби и негодования и не оставляющее сомнений, что сделал он это в знак протеста.

С рекой или озером связана кончина еще одного китайского поэта - Ли Бо (Ли Бай), жившего в VIII веке уже нашей эры. Он тоже жил при дворе императора в столичном городе Чанъань, спал на ложе из слоновой кости, ездил на лучших императорских лошадях и ел из золотой посуды. Зачислен был в одну из придворных академий, так как слыл знатоком даосских книг. Император любил беседовать с поэтом и собственноручно помещивал ложечкой горячее питье, подаваемое талантливому и образованному собеседнику. А Ли Бо мечтал о деятельном участии в государственных делах, о праве давать советы императору и говорить правду ему в глаза. Интриги и зависть царили при дворе. Сановники его невзлюбили. Оклеветанного Ли Бо тоже изгнали. Позже он оказался вовлечен в заговор принца Линя, одного из княжеских сыновей, командовавшего флотом на реке Янцзы. Заговор был раскрыт. Ли Бо попал в тюрьму. Смертную казнь заменили ссылкой, и поэт угодил в княжество Елан, где свирепствовала малярия. Пребывая в этой глухой отдаленной местности отсталого юга, Ли Бо тоже скорбел и негодовал, однако творить не перестал. Правда, будучи жизнелюбивым, он не покончил с собой, в отличие от пессимиста Цюй Юаня. Погиб он случайно. То ли оступился и упал с лодки, боясь лунной, то ли утонул, погнавшись пьяным за отражением луны в воде.

На асфальте валяется
Папиросная
Коробка
В небе Солнце
Улыбается
Как живое
Один пьяный
Угодил башкой
В плевательницу
Один важный человек
Сунул глаз
В замочную скважину
Лица людей
Стерты
Как каблуки
Мне смешно
Я как все

Я Фрагмента весны
Я Труба из яйца
Я Пейзаж на щеке
Я Прикован к звезде
Я Лежу недвижим
Голова
Как зажим

Берегись автомобиля,
Пешеход!
Береги себя от пыли,
Пешеход!
Берегись от болезни,
Пешеход!
Витамины нам полезны,
Пешеход!
Вот в киоске авторучки,
Пешеход!
Вот кафе, зайди с получи,
Пешеход!
Выпей водки, съешь сосиски,
Пешеход!
На заем идет подписка,
Пешеход!

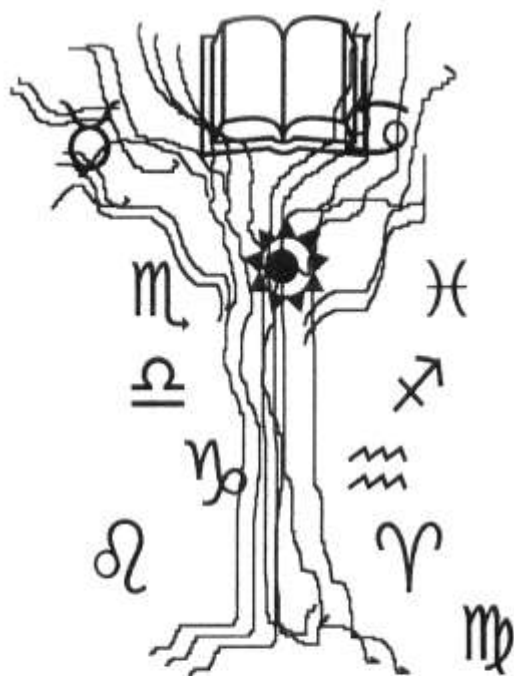
Мастерская
МЕТАЛЛОРЕМ
Работы
Хватает всем
Иван
Чинит жбан
Гаврила
Крутит точило
Николай
Разливает водку
Михаил
Делит селедку
Петров
Принимает заказ
Выписывает
Квитанцию
Зайдите
Через сто лет
У нас
Не автоматическая
Станция

Амстердамский замок De Waag, где открылся весенний поэтический салон, начинал в глухое средневековье весьма приземленно: как палата мер и весов. А на втором этаже – ближе к небу – разыгрывался анатомический театр, сцену из жизни которого обессмертил Рембрандт. Я представляла антологию женской поэзии "Московская муза. 1799-1997", а Генрих Сапгир увесистым томом антологии "Самиздат века" убил почти наповал почтенную публику. Потом был вечер в саду.

Сад

Детка прирученной тишины
в зверинце городских кварталов,
упрятанных в опрятные клетки:
зима - лето,
зима - лето.
Осень устала.
Весны не стало.
Нет памяти
без мостов и каналов,
без мающего скрипача,
слезу выжимающего даровым флажолетто...
В воздухе не хватает русского балета!
- Но лампа керосинных снов
то ли в листьях акации,
то ли магнолии,
но звездный умысел зарифмованных слов
в Москве, в Амстердаме
и тем паче в Монголии,
но в ночь раздавшийся
розовый рододендрон,
обступил меня с трех сторон...
А с последней - целлофанованная тьма
царапает корочкой обратного билета,
где тоже: лето - зима,
но более: зима - лето...

Амстердам

Вилли Мельников

Пиктский текст и русский перевод

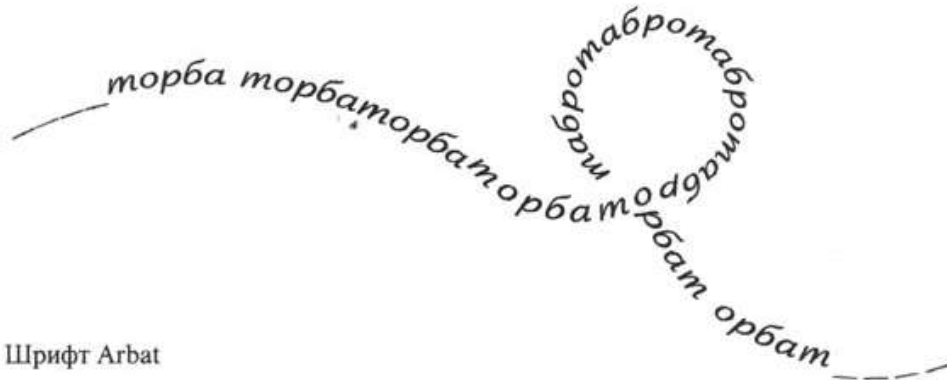
Rfæiðattenñ dsö - þizzðrr uad- cný
Neirs-qyammih. Slobbæv-ðho miihtu
uadwoinn áfýrr mýttæss - çnyðall
fonnimm biaggæt álf. Ðopirry
tlðz - knúgðh hoddwærr cnyasþ.
Qafni - qwænirr tfððýk, ærwiggð
tný - kaupih gymfnæ. Tei sfunn,
nuæffýr - onnid letufýn oamir.
Rnú - dfinnðr ammiþoræ dhottðn
uhhlaðr-na wostáirr.

Дерево, сохранившее
в дупле своем лед даже в зной,
упрекали:
"У него ледяная душа!"
Но не согрется
разводящий в своей душе огонь,
пока не научится обращать стужу
в спасение от иссушающих, помыслов.

Орбат горбат!

*Катилась торба
с великого горба*

Орбат - так писали (и, очевидно, произносили!) этот топоним - Арбат - в XV-XVII веках.

Шрифт Arbat

Владимир Пальчиков (Элистинский)

Себе небес, себе...

Палиндромический сонет

...И жрец доход ввинил¹. И нив (в доходце ржи)
Коловорот, а род // Оратор² оволок...
Коло³ дубравы - баз; забыв арбу, - долок.
И жар, и миражи. И жар, и миражи.

И жуток тóрок⁴, но // он: "Коротко тужи.
Коломищ⁵ - им, а нам... а нам ищи молоко..."
- Коллег на мыло, гад... А - голым, ангел-лок...
- И жат на шантажи, и жат на шантажи.

За потну деву дал, в ладу, ведун топаз.
За базу массам он, но массам - ўза, баз.
- Се боссам у АО⁶ - боа, у масс - собес⁷.

И - с аспид инок, а... закон иди спаси.
И, сор поправ Равенн (не варвар), попроси
Себе небес, себе. Небес, себе небес.

Примечания.

1. Ввинил доход - поставил в вину прибыль, пользу, наживу.
2. Оратор - здесь: некий политически активный деятель, который сильно повлиял на население ("оволок род").
3. Коло - около.
4. Торок - буря, порыв ветра в море, шквал (М.Фасмер "Этимологический словарь русского языка").
5. Коломище - кладбище (древнерусск.).
6. АО - акционерное общество.
7. Собес (в советских административных органах) - отдел социального обеспечения.

- Звезда!!! - выкрикнуло падающее существо.

Тусклое небо приближалось, становясь каким-то сине-желтым, и в нем начинали проступать неясные светлые очертания. Вдруг возникло подобие горизонта, который ограничивал небо со всех сторон, и вокруг неба была желтая тьма. Раньше, с мочки, этот горизонт не был замечен и сливался с общим грязно-желтым небесным фоном, теперь же он напоминал выход из гигантского кратера, или же конец трубы смерти, по которой летит умершая душа. В Цмипксе разливалось блаженное чувство восхитительной неизвестности. Он слегка вращался вокруг собственной оси, приближаясь к концу этого неожиданного, гигантского тоннеля: яркие контуры все более и более проступали там. Яж падало рядом, сверкая красным квадратиком. И тут, когда наступил миг вылета, и прекрасный грубо-песчаный пейзаж возник повсюду, заменив собою тусклое небо, которое в него превратилось, и яркие малиновые точки проступили на склонах угловатых холмиков, поблескивающих под желто-серебряным светом, некая мощная сила мгновенно сжала Цмипкса, зачарованного тем, что он увидел, и остановила его путь в ослепительную, мертвенную, желтоватую бездну, разворачивая его зрющим зевом взад.

- Склага! - выдохнул пораженный Цмипкс, тут же вспоминая свое наказание и суть. - Что это?

- Ты шуст! - прогрохотал гигантский Склага, похожий на двугорбый приговор. - Ты уже проявил Яж, встретив его, и собирался вылетать на старую Звезду. Ну и ну! Ты - плох! Повезло ж!

- Что там? Где Яж?

- Я его отправил умным существом на планету Бязда - ты ж его преобразил, он же был склянью, а сейчас - умственник! Ты уже пробыв денек, я тебе возвращаю шупиньки, не шали, а сюда больше не появляйся. Ишь! Впрочем, ты и дорожки пока не найдешь...

- А что же это? Здесь раньше жили звезды?

- Да. Это проход, выход, мочка. Не думал я, что ты сможешь туда выгрести... Зачем?

- Но что это все?

- Пора назад, - сказал Склага. - Сейчас у тебя еще в разгаре бздетство. Но скоро ты все узнаешь. В учёбище. В учёбище. В учёбище.

- Звезд есть высшее на Звезде, и вне Звезды, и мы все - звезды!

Так говорил в учёбище сучитель Валя, превратив себя в выпученно-яркий, угольчатый зоореол. Не было времени, бздетство навсегда, а в учёбище один миг, миг, миг!.. Звездочки воспаряли в полуквадратной зале, воспринимая всё. И Цмипкс и Тьюбюш, степенно расправив шупиньки, слушали мысленные вскрики сучителя, обращенные в их центры.

- Звезд есть самое из самых, победа над тягостью твердопородной, над срутиной тварческой; звезд есть творчество, а не убожество (у, божество!) бестворчатое!.. Вы это знаете, но вы еще узнаете. Вот здесь мои шупиньки. А у вас пока еще шупиньки.

Валя выявил свои шупиньки, кокетливо пожурчав ими в радужном воздухе залы.

- Они могут сделать нас всем. Вы знаете!

- Мы - звезды!! - хором отозвались пученики.

- Могут завязать нас в виде жочемука или хни!..

- Звезды!!

- Могут обратить нас в стол, иль в дух.

- Звезды!!

- Могут лишить нас формы, нюха, низа.

- Э!

- Могут слить нас, как жидкость, в водную эсфирь мира.

- О!

- Могут подтянуть нас к виду сферы вселенской.

- Э!

- Могут показать нас, как блюдей с таинственными тарелочками на усах!

- Э!

- Мы можем все! Мощь наша - зассуга наша древнистая, она - добро! Но было другое время, - так было не всегда.

Учёбище представляло собой ворончатый провал света в предельнорадостном мире Звезды. Бздетство можно стряхнуть с себя, словно пыль галактик - так! Сучитель Валя сократился до зияющей точки самого себя, сотворив шупиньками небольшие ппппарты.

Убить Членса

Фрагмент

Он выговаривал, остальные внимали.

- Когда время билось потайной механизмой мирской, звезды назывались зездами. Или сездами, как хотите. Они выглядели, будто четырехшустый ворсянник, пять бошечек, колесики-ножки и глубинная высшая устремленность. И они уничтожали самих себя, чтобы достичь свободы и труда. Бакаления и бакаления срабатывали они свой окружной пейзаж, напоминающий бездуховную красоту. Сверху зезды выглядели кривыми, небольшими плевочками, но они были тверды! Это был яростный народчик, вдыхающий газы родной планеты. Низшие существа также обитали там. Зезды вмазывали их своими порами. Они сжирали души этих существ, дабы поддержать свое бытие.

- Мы - звезды! - какнули все.

- Звезды!! - образовав щель в кроне своих щупиков, повторил сучитель. Пученики пульсировали красным счастьем от экстаза.

- Это было крученное, порченное, верченное времешко, в котором царил смерть! И были тогда трупики, а не щупики, зезды становились жочемуками, и не было выхода из того маразма бытийственности! Вам по духу моя элекция?

- Э! Э!

- Кровяно-буйственные бугорки окутывали поверхность планетки, будто псарные цветки мучающихся засором рош. Испарения гнильственности выпукливались над почвняной горизонталью нашей бывшей домовухи. Обиталище наше было мразно-желтым, как склиз мирового безобразья. Но мы стремились ввысь!

- Мы - звезды!

- Мы солились и солились, и наши вздохи достигали шестерен Бога! Или Богжа, как хотите. Мы обратились, и овраг святости разрезался пред нашими грешняковыми взглядами. Мы самосожрались за преображение своих личностных душ. Мы взмахнули чучей и приблизились к губежу своего смрадного состояния. Мы...

- Обратно! - вдруг выкрикнул Цмипкс.

- Что обратно?

- Надо пройти сей путь наоборот! И чтобы снова был свой рот! И род!

Валя превратился в гигантскую зубатую дырку и стал громко хахакать, сияя лазурью.

- Разве у тебя нет родов? - спросил Зушь.

- Есть, - смутился Цмипкс, преобразив себя в сплюснутый сосуд, расширяющийся вверх, стрелочками указывая на Цмипкса.

"Я счастлив", - подумал Цмипкс

- Мы солились и солились в этом виде, нашим божеством была Доссъ, живущая в хряпушке, но время завершилось, мы выперднули, как пробочка, из кутермы нашего реальности, мы выдавились, как прыщщищищищи из пушечки, и теперь мы не зезды, а звезды! Мы преобразились сами и преобразили нашу Звезду. Теперь мы вне время и пространства, и везде. И на Зезде!

- Звезды! Звезды!

Елена
Кацюба

Пацифик

Путь к сердцу мужчины лежит через

СМЕРТЬ КОРОВЫ

Путь к сердцу коровы лежит через

СОЛЬ

Путь к сердцу соли лежит через

ЗЕМЛЮ

Путь к сердцу земли лежит через

ЗАСТУП

Путь к сердцу заступа лежит через

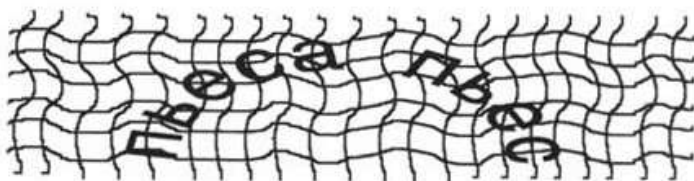
СВИСТ ПУЛИ

Путь к сердцу пули лежит через

Сергей Бирюков

(Тамбов)

Из книги
"Театр ЛН"
1990

Над сценой сеть.

Растирающий краски. Я непротвиленец.

С облаком на голове. Вылепил и выбросил.

Человек-обруч. Взгляните! Здесь всего только двое. Сеть должна выстрелить.

Р.К. Меня ударили по щеке.

Ч-О. Он сейчас упадет. Наклонился, словно Пизанская башня. Его никто не спасет.

С О На Г. Баллистика плевка. Формула с тремя π (пи).

Р.К. Комментирую наклон ужаса. Беру на себя имя - Праведник. Моя ступень - ваша свинья.

С О На Г. Я три дня и три ночи искал ваш умет...

Ч-О. Цитата ни к месту.

Ч-О достает из левого уха мяч, бросает **Растирающему краски**, мяч летит в сетку. Сетка поворачивается и делит сцену. **Растирающий** и **С Облаком** бросают мяч друг другу. **Человек-Обруч** свистит в свисток.

Четыре Тиберия

Тиберий I. Узнавание...

Тиберий II. Начинается...

Тиберий III. С того, что...

Тиберий IV. Никто...

Т.I. Подождите, я не досказал своей мысли.

Т.II. Подождите, я не досказал своей...

Т.III. Подождите, я не досказал...

Т.IV. Подождите, я не доска...

Голос из-за сцены. Объявляется перерыв на 15 лет...
Возможность... вернуться... к зрителям... просьба
оставаться...

Через 15 лет

Четыре Тиберия. У нас была возможность
посоветоваться. Мы обрели дар...

Т.I. Радар.

Т.II. Эхо.

Т.III. Зрители соскучились.

Т.IV. Запрещаю. Начнем сначала.

Т.I. Никто.

Т.II. С того, что

Т.III. Начинается.

Т.IV. Узнавание.

Книгура

О. Вещи. Летит берег нет.

В. Лепчет мел и крошево
синиц.

С. Краеугольным кажешься
мне.

Д. Лишь лепесток и тот
жесток.

Т. Дым лебяжий. Гусиная
шерстка.

М. Восторг. Волна. Укрытая
волной. Вместе. Мы всё
произнесли. Теперь другие.
Их. Пускай.

Капитан Кук

М. На берег выброшен
стремительно. Теперь спит.

З. Зерно в его карманах.

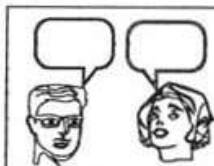
М. И золото в обманах.

Он и Она

текст /отсутствие текста

Он. Я...

Она. Я...

...

Я взяла книжку Некого Автора.
Не было ни толора, ни Авроры.
Не было атомного реактора.
Скоро

наступала осень. Мне все равно.
Будет Гитлер, тоже скажет: "Здравствуйте, дети!"
А я отвечу: "Я уже смотрела это кино."
Я уже снималась в этом сюжете.

Но если Вы, Адольф, желаете вновь Войны,
я, конечно, выйду за Вас, и стану Вашим
ручным пистолетиком, личным чувством вины,
даже

голубым червячком, убитым под каблукочком,
молчуном о тайном Вашем Ничто.
Нас в конце убьют Партизаны Обратных Сторон.
Ну и что?

Наступила осень. Мне все равно.
Потусторонний Гитлер не появился.
В кафе ада шло все то же кино.
Числа

подступали подлыми лапами к липкой сути.
Иксы символов заменяли слова,
Имена повторялись. И что-то будет:
что-то простое, как мертвая голова.

что-то яростное, как сторевавшая при пожаремышь,
что-то неизбежное, как убийца на чердаке,
что-то основательное, как Мальчиш-Кибальчиш,
что-то очень близкое, как смерти на волоске,

что-то несчастливое, как еж в костылях,
на цветной картинке с оранжевой подписью "Рай",
неутоно подлого, как мертвый вдруг котенок в руках,
яростно праздничное, как глупый настоящий трамвай.

Я взяла книжку Некого Автора.
Не было ужаса, но ужас будет.
Не было смысла. Но назавтра
уже появились маленькие и страшные люди.

Мы пили иконы и лакали коньяк.
Хотели колоний и хотели колонн.
Тогда-то угадала. Что о Маньяк
и Некий Автор сделал ход Маньяком.

как как дошло до шпильки неуместный мозг.

А человек, водича, пролил
его, который в свой вейсрядный хвост
и с с о ф о й к и н о ж и щ и н о е г о в к р у т и л ,

тотальный Дьявол ириво поцеловал.
Бункер похож на тренажерный гроб,
на ржавый бар, на кошмарный спортзал,
на маршала Жукова, желтого

Человек спрашивает: "Будете пить?"
подразумевая: "Будете умирать?"
тоже не нравится убивать и делить.
Богу очень нравится распланировать.

Бог
и узнал, наконец, что жизнь есть всего лишь процесс разложения.
как Мерсереву после того, как в некотором отдалении
от себя он убрал свою понятную ногу

Стало легче,
И меня встречал представитель Автора.
во время смерти и место встречи.
Я нетерпеливо липнозом пролезла в завтра,

податливо и покладливо стою перед собой.
Мне показалось тогда, что так
И сказала с улыбкой бледи: "Иди!"
Лиза облизывалась, как Маньяк.

Мона
Умолял меня хищно о наглой встрече.
Первый разговаривал из красного телефона.
И уже появились маленькие и страшные человечки.

И тогда уже, обнаружив связь,
точнее, чушь, мертвые души, слизь на глазе,
я еще улыбалась, как будто бы развлеклась
этой связью, точней, намеком на связи.

Лидия Григорьева
(Лондон)

Сон

Пробежал трамвай на длинных ногах,
люди рисовали на его запотевших стеклах
смешные рожи.
Человек в одежде (под одеждой не было кожи,
были нервы - синие, как от холода),
похожий на дурной перевод с английского,
сиделся понять, кто он такой.
Кроме того, мне навстречу из желтого дома
(там, кажется, институт финансово-экономический)
выходили чужие тайны с большими глазами
и взлохмаченной, детской еще головой.
Кошки били в литавры
и мягко мяукали о любви непорочной.
Извращенные формы электрогитары
намекали на то, что она конченная сволочь
и не верит в чистые отношения между полами.
И металась и рвалась - почти пополам -
как по темени били крики гитар,
(и какие-то тайны с кругами у глаз
засмотрелись в большой зазеркаленный таз).
И на углу, где я обычно поднимаюсь к университету,
мне сказали, что я не туда иду,
что того, что ищу не было и нету, (и так во всем).
Зеленый, похожий на таксу самосвал
читал стихи неизвестного поэта.
Я накормила самосвал-таксу овсом
(мой сон, что хочу, то и делаю),
оставшимся от завтрака. И решила завтра
продать все известные мне сексуальные тайны
старому скопцу
(я часто встречаю его на улице,
где мне подниматься к университету).
А тайны с большими глазами,
разбежавшимися по розовому лицу,
я оставляю себе.
Хотя они и менее интересны,
но с ними спокойнее.

Лоренс Блинов

Композитор
(Казань)

Светофор

Й
й Ый
йы Ный
йын Ёный
йын Сный
йынё лёный
йынс аСный
йынёл елёный
йынса раСный
йынёле зелёный
йынсар кРАСный
йытлё жёлтый
йынёле зелёный
краСный
елёный
РАСный
лёный
аСный
ёный
Сный
ный
ый
й

Незнакомый покойник
подошел ко мне в толпе у магазина
и сказал, что до смерти любил меня.
Очевидно обознался.
Трамвай на длинных ногах
приближался с другой стороны,
я поняла, что пора просыпаться,
и испугалась.
Самосвал-такса читал и читал стихи.
Он убеждал меня, что был такой поэт
и жил он там, где ничего нет,
и жил он там, куда иду.
Иду долго, сбиваясь с ритма,
начиная не с той ноги,
налетая на острые вещи и плечи,
и на горы тоски и неверия,
я еще не вижу - куда
(во сне вообще плохо видно).
Трамвай на длинных ногах
выбежал из-за угла совсем близко.
Кошки завывли в унисон с литаврами.
Гитара вовсю изгалялась.
Кончился мой сон.
А что начиналось?

Вадим Сверканов

(1955-1983)

По тьме чужих следов
Шевелится мой шаг
Шагал. Стравинский

Морг, Годо
Устал. Подайте стул.

Никто
Мне не откликнулся,
спешат.

Часов опять пустой
виток

В орбите глаз
свершал.

В виске бессонный
молоток

Мелодию искал.

И вот явилась,
гул разъяв,

Морщин ощеря
кривь,
Вливая в кровь души
неявь,

И раздувая крик.
На острие его спилась
Полуночная тишь.

Неслась сиреневая
страсть.

А долететь бы,
не упасть
В бетон оглохших крыш.

Рисует мозг стремительный
пространство,
Рука рисует словно на листе.
Взлетает музыка рифмованного танца
В свободной и бездонной простоте.
Клокочет зелень листьев

в бликах света,
Лопочут крылья бабочек в траве.
Природа так беспомощно раздета,
так отдается ласково тебе.
Твое житье так

каменно
и сыто,
Застывший бег, где задыхаешься
в момент.

Твоя душа, так радостно
раскрытая,
Врезается в бетоны стен.

Алла
Кессельман
Композитор

Антология ПО

Куклы

Мне позвонили и прислали двух кукол с просьбой, чтобы я одела этих кукол по своему усмотрению. Их купят богатые люди в пользу детей, нуждающихся в помощи и в радости. Я занимаюсь теперь еще и этим делом. Я уже нарисовала, во что их одеть. Для одной куклы я нарисовала туалет, который должен на ней быть. Он из стекляруса начала века. Его подарила мне прекрасная женщина - костюмер Алисы Коонен. Может быть, кто-нибудь это купит?

Мои книги дорого стоят. Мне не по средствам их купить. Богатые люди - не мои читатели. Мои читатели бедные. Но я всегда желала помочь и пригодиться бедным людям. Это чего-нибудь стоит?

А вторую куклу должен одеть Борис Мессерер. По его художественному вкусу. Он хотел бы, чтобы эта кукла выглядела, как я. Но у нее слишком толстые ноги.

Кунст- камера

Вадим Рабинович

Слово не воробей:
вылетит - поймают...

...если, конечно, во все телефоны, розетки, плафоны, лампочки Ильича, форточки, шпингалеты и замочные скважины вмонтированы жучки...

Кажется, так оно и было в приемной Отдела выездов ЦК КПСС. Там ждала своего часа в очереди на инструктаж

ученая делегация, собравшаяся в капстрану Италию на научный конгресс. (Между прочим, автор сих строк в те времена не доходил и до приемной). Бывалые по-малкивали. А новичок Толя Яблонский (его уже нет на свете) - математик и системщик - мечтательно и тихо рифмовал:

Мы в Италии будем кушать пиццу
и домой не будем торопиться.

Несмотря на исчезающе малое количество децибел, внутренний голос лирика Толи был запеленгован жучком. вмонтированным (хочется верить) в канцелярскую скрепку, скреплявшую выездное дело вольнодумца вслух.

Жучок накапал.

Капстрана все-таки...

Пицца для Яблонского осталась невостребованной.

До открытия первой пиццерии в Москве оставалось двадцать лет.

"Газета Поэзия" № 9, 1998.

Учредитель группа ДООС
(Добровольное Общество
Охраны Стрелок)
при участии Всемирной
Ассоциации писателей
(Русский Пен-клуб).

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров.

Редакционный совет:
профессор В. Вестстейн
(Нидерланды),
А. Витухновская,
Е. Кацуба (отв. секретарь).

В. Рабинович (профессор
кафедры Философской
антропологии МГУ),
В. Нарбикова,
Г. Сапфир,
А. Ткаченко (генеральный
секретарь Русского Пен-
клуба),
И. Холин.

Логотип и графика на с.1:
Михаил Молочников.
Макет и оформление:
Елена Кацуба.
Издатель Елена Соловьева.
Тираж 999 экз.